

А.В. Козлов

доцент кафедры уголовного
права и уголовного
процесса Нижегородского
филиала Национального
исследовательского
университета «Высшая
школа экономики», кандидат
юридических наук

Проблемы толкования уголовного законодательства об ответственности за преступления против интеллектуальной собственности

В статье рассматриваются проблемы толкования уголовного законодательства об ответственности за преступления против интеллектуальной собственности, предусмотренные ст. 146, 147, 180 и 183 Уголовного кодекса Российской Федерации. Автор предпринимает попытку разъяснить значение таких признаков, как присвоение авторства, причинившее крупный ущерб; неоднократное незаконное использование товарного знака и предупредительной маркировки; похищение документов, содержащих коммерческую тайну.

Ключевые слова: толкование закона, преступления против интеллектуальной собственности, уголовная ответственность, присвоение авторства, плагиат, крупный ущерб, неоднократное использование товарного знака.

Очевидно, что в ряде случаев проблема применения уголовного законодательства связана с его несовершенством. Одним из проявлений такого несовершенства является наличие в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) признаков, однозначное толкование которых невозможно или крайне затруднительно. Есть такие признаки и в составах преступлений против интеллектуальной собственности (ст. 146, 147, 180 и 183 УК РФ). В настоящей статье мы попытаемся данные признаки проанализировать.

В ч. 1 ст. 146 УК РФ уголовная ответственность предусмотрена за присвоение авторства (плагиат), причинившее ущерб автору или иному правообладателю. Право авторства на произведение можно нарушить, совершив ряд отличных друг от друга деяний, например: 1) лицо обнаружит чужое произведение под своим именем; 2) лицо указывает себя в качестве соавтора произведения, в создании которого оно

творческого участия не принимало; 3) лицо при обнародовании произведения не указывает других соавторов; 4) лицо принуждает автора к соавторству; 5) лицо принуждает автора к отказу от авторства и др. И если первые три примера подпадают под присвоение авторства, то по поводу того, подпадает ли под присвоение авторства принуждение к соавторству или отказу от авторства, в юридической литературе единой точки зрения нет.

К.В. Кузнецов, например, полагает, что принуждение к соавторству или отказу от авторства следует рассматривать как разновидность присвоения авторства¹. Но мы согласны с теми авторами, которые предлагают для устранения правовой неопределенности в диспозиции ч. 1 ст. 146 УК РФ наряду с присвоением авторства прямо предусмотреть уголовную ответственность за присвоение авторства и принуждение к соавторству².

Однако присвоение авторства не является самым проблемным с точки зрения толкования и правоприменения признаком ч. 1 ст. 146 УК РФ. В качестве такового, по нашему убеждению, следует рассматривать признак крупного ущерба. Вопрос здесь даже не в том, *что* понимать под крупным ущербом, а в том, *что* понимать под ущербом вообще. Ответ на этот вопрос попытался дать Верховный Суд Российской Федерации. Согласно абз. 3 п. 24 и п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» (далее — Постановление № 14), «под ущербом в ч. 1 ст. 146 УК РФ может пониматься реальный ущерб и упущенная выгода, при исчислении которых можно учитывать размер доходов, полученных лицом в результате нарушения им прав на результаты интеллектуальной деятельности. При этом суды не должны понимать под ущербом моральный вред».

С таким подходом Верховного Суда к пониманию ущерба в ч. 1 ст. 146 УК РФ трудно согласиться. Во-первых, почему в качестве ущерба в ч. 1 ст. 146 УК РФ не должен учитываться моральный вред? Ведь право авторства, согласно ст. 150 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), является нематериальным благом, при посягательствах на которое, если верить ст. 151 и 1099-1101 ГК РФ, лицо имеет право на компенсацию морального вреда. К.В. Кузнецов, например, прямо указывает, что «поскольку право авторства является личным немущественным правом, то крупный ущерб может устанавливаться на основании морального вреда, причиненного потерпевшему»³. Во-вторых, Верховный Суд Российской Федерации рекомендует при установлении ущерба учитывать, в том числе, размер доходов, полученных лицом в результате нарушения им прав на результаты интеллектуальной деятельности. Но само присвоение авторства дохода лицу не дает. Чтобы доход извлечь, нужно произведение, авторство на которое присвоено,

¹ См.: Кузнецов К.В. Уголовно-правовая характеристика посягательств, нарушающих авторские, смежные, изобретательские и патентные права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 11-12.

² См., напр.: Кузьмина И.К. Уголовно-правовая охрана авторских, смежных, изобретательских и патентных прав: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. С. 9; Толченова Ю.В. Уголовная ответственность за нарушение авторских и смежных прав: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 12.

³ Кузнецов К.В. Указ. соч. С. 25.

распространить, публично исполнить и т.п. Но это уже незаконное использование произведения, ответственность за которое наступает по ч. 2 ст. 146 УК РФ.

Если не согласиться с Верховным Судом Российской Федерации и рассматривать в качестве ущерба в ч. 1 ст. 146 УК РФ моральный вред, то не вполне логично моральный вред маскировать под термин «ущерб». Если же согласиться с Верховным Судом Российской Федерации и под ущербом понимать реальный ущерб и упущенную выгоду, то возникают проблемы, связанные с его исчислением. Не случайно А.В. Борисов отмечает, что до настоящего момента ни в теории уголовного права, ни в правоприменительной практике не выработано четких критериев определения крупного ущерба по ч. 1 ст. 146 УК РФ, что обуславливает ее редкое применение на практике⁴. О том, что крупный ущерб по ч. 1 ст. 146 УК РФ практически невозможно рассчитать, вследствие чего в большинстве случаев уголовные дела по указанным преступлениям не возбуждаются, говорит и И.К. Кузьмина⁵.

Подавляющее число ученых, предметно занимающихся вопросами уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности, выступают за исключение из ч. 1 ст. 146 УК РФ признака крупного ущерба⁶. Мы такое решение полностью поддерживаем.

Справедливости ради следует отметить, что среди исследователей проблем уголовной ответственности за посягательства на объекты интеллектуальной собственности есть и те, кто предлагает оставить применительно к присвоению авторства признак крупного ущерба. К ним относятся, например, М.Ю. Бондарев⁷ и Р.В. Припулин⁸. Последний предлагает в примечании к ст. 146 УК РФ указать, что «крупный ущерб применительно к ч. 1 ст. 146 УК РФ определяется с учетом имущественного положения автора или иного правообладателя, но не может составлять менее пятидесяти тысяч рублей», указывая при этом, что с таким предложением согласились 43% опрошенных сотрудников правоохранительных органов и 75% сотрудников коммерческих структур⁹. Но мы еще раз подчеркиваем свою приверженность предложению отказаться в ч. 1 ст. 146 УК РФ от признака крупного ущерба. Предусмотрение стоимостных критериев крупного ущерба в условиях, когда сам расчет размера ущерба крайне затруднен и связан не только с процессуальными издержками, но и возможными неточностями, не решит, на наш взгляд, проблемы.

Интересно, что все из приведенных выше исследователей, выступающих за отказ от крупного ущерба в ч. 1 ст. 146 УК РФ, не предлагают предусмотреть вместо него другой конструирующий признак. Все, кроме Д.В. Молчанова, который

⁴ См.: *Борисов А.В.* Уголовно-правовые и специально-криминологические меры борьбы с нарушениями авторского и патентного права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 17.

⁵ См.: *Кузьмина И.К.* Указ. соч. С. 14—15.

⁶ См., напр.: *Молчанов Д.В.* Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 10; *Долотов Р.О.* Механизм уголовно-правового регулирования в сфере преступных посягательств на объекты интеллектуальной собственности: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 13; *Филиппов П.А.* Уголовно-правовая защита интеллектуальной собственности: Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2003. С. 201; *Толченова Ю.В.* Указ. соч. С. 12; *Кузнецов К.В.* Указ. соч. С. 11; *Кузьмина И.К.* Указ. соч. С. 9.

⁷ См.: *Бондарев М.Ю.* Уголовно-правовая охрана интеллектуальных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 13.

⁸ См.: *Припулин Р.В.* Уголовная ответственность за нарушение авторских и смежных прав: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 10.

⁹ См.: *Припулин Р.В.* Указ. соч. С. 10.

предлагает предусмотреть уголовную ответственность за «присвоение авторства (плагиат), если это деяние совершено с целью получения дохода или иного вознаграждения в крупном размере»¹⁰. Но с таким предложением Д.В. Молчанова мы не согласимся. Как уже указано, основным механизмом получения вознаграждения от присвоения авторства на произведение является последующее использование произведения, в том числе путем распространения, публичного исполнения и т.д. Но ответственность за подобного рода деяния предусмотрена в ч. 2 ст. 146 УК РФ.

Вместе с тем признаем, что проблема существует. Если предусмотреть уголовную ответственность за сам факт присвоения авторства, то под сферу действия УК РФ могут попасть факты присвоения авторства, не достигающие степени общественной опасности преступления, например факт присвоения авторства на написанное четверостишие на день рождения друга. Но это комплексная проблема всей гл. 19 УК РФ, ряд статей которой предусматривает уголовную ответственность за сам факт нарушения тех или иных конституционных прав и свобод человека и гражданина. Так, согласно нормам указанной главы, преступлением признается любой факт: нарушения равенства прав граждан (ст. 136 УК РФ); нарушения неприкосновенности частной жизни (ст. 137), нарушения тайны переписки и т.д. (ст. 138), нарушения неприкосновенности жилища (ст. 139) и др.

Проблемным с точки зрения толкования является признак неоднократности в ст. 180 УК РФ. Справедливости ради следует отметить, что один из вопросов, связанных с толкованием признака неоднократности в ч. 1 ст. 180 УК РФ, Верховный Суд Российской Федерации разрешил. До принятия Постановления № 14 в теории и практике уголовного права были споры относительно того, рассматривать неоднократность в ч. 1 ст. 180 УК РФ как множественность преступлений или как множественность деяний, каждое из которых не является преступлением. Главенствовала, правда, вторая точка зрения¹¹. Верховный Суд Российской Федерации узаконил ее, указав в абз. 2 п. 15 Постановления № 14, что «неоднократность по смыслу части 1 статьи 180 УК РФ предполагает совершение лицом двух и более деяний, состоящих в незаконном использовании товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров».

Не случайно Д.В. Молчанов отмечает, что «после выхода в свет Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 в теории уголовного права разрешилась дискуссия о юридическом содержании признака неоднократности в диспозициях норм ст. 180 УК РФ, что благоприятно отразилось на правоприменительной практике. Неоднократность в рассматриваемых составах преступлений образует повтор совершения деяний, а не преступлений»¹².

¹⁰ Молчанов Д.В. Указ. соч. С. 10.

¹¹ См., напр.: Яни П.С. Неоднократность как признак незаконного использования товарного знака // Контрафакт как угроза экономической безопасности России (политико-правовые, оперативно-розыскные и морально-психологические проблемы противодействия): сб. ст. / под ред. д.ю.н., проф., заслуж. деят. науки Российской Федерации В.М. Баранова, к.ю.н., акад. РАЮН, действ. чл. Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка В.И. Каньгина. Н. Новгород, 2006. С. 373-382; Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник. Изд. второе, исправл. и доп. / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Иногамовой-Хегай, д.ю.н., проф. А.И. Парага, д.ю.н., проф. А.И. Чучаева. М., 2009. С. 309-310.

¹² Молчанов Д.В. Указ. соч. С. 24-25.

Следует, правда, отметить, что указанное выше разъяснение Верховного Суда Российской Федерации коснулось только ч. 1 ст. 180 УК РФ. Но полагаем, что такое же толкование признака неоднократности должно быть и применительно к ч. 2 ст. 180 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за незаконное использование предупредительной маркировки, совершенное, в том числе, неоднократно.

Интересно, что в том же абз. 2 п. 15 Постановления № 14 Пленум Верховного Суда Российской Федерации указывает, что «может иметь место как неоднократное использование одного и того же средства индивидуализации товара (услуги), так и одновременное использование двух или более чужих товарных знаков или других средств индивидуализации на одной единице товара». Это уже интересно. В теории уголовного права неоднократность традиционно предполагает совершение двух и более действий, каждое из которых охвачено самостоятельным умыслом виновного. Не случайно Б.В. Волженкин указывает, что «многократное проставление чужого товарного знака на товарах, входящих в одну партию, признака неоднократности не создает, поскольку образует единое преступление»¹³. Очевидно, что действия по проставлению на одном товаре нескольких товарных знаков одновременно охвачены единым умыслом виновного. Это означает, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации в абз. 2 п. 15 Постановления № 14 рекомендует нам считать деяние, которое в теории уголовного права рассматривается как единое правонарушение, правонарушением, совершенным неоднократно. Толкование Верховным Судом Российской Федерации одновременного проставления двух и или более чужих товарных знаков или других средств индивидуализации на одной единице товара как совершенного неоднократно полностью противоречит теории уголовного права. Кроме того, такое толкование несет еще и опасность того, что суды могут по аналогии (и, естественно, по ошибке) рассматривать как неоднократное проставление одного товарного знака на партии товаров, охваченное единым умыслом.

Еще один связанный с толкование признака неоднократности в ст. 180 УК РФ вопрос поднимает А.А. Энгельгардт. Он отмечает, что неразрешенной проблемой при привлечении к уголовной ответственности по ст. 180 УК РФ является отсутствие критериев срока, который может истечь после первого по факту незаконного использования чужого товарного знака, не повлекшего за собой причинения крупного ущерба¹⁴. Иными словами, какой максимальный срок может пройти между первым и вторым фактами незаконного использования товарного знака, чтобы лицо можно было привлечь к уголовной ответственности по ст. 180 УК РФ. Будет ли, например, неоднократность в том случае, если лицо второй раз незаконно использовало товарный знак, при условии, что оно за 10 лет до этого первый раз незаконно использовало товарный знак? УК РФ на данный вопрос ответа не дает. От разъяснений по данному вопросу уклонился в Постановлении № 14 и Верховный Суд Российской Федерации.

¹³ Полный курс уголовного права: В 5 т. / под ред. д.ю.н., проф., заслуж. деят. науки Российской Федерации А.И. Коробеева. Т. III. Преступления в сфере экономики. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. С. 557.

¹⁴ См.: Энгельгардт А.А. Вопросы толкования незаконного использования чужого товарного знака, совершенного неоднократно (ст. 180 УК РФ) // Уголовное право и современность: сб. ст. Вып. 2 / науч. ред. д.ю.н., проф., заслуж. деят. науки Российской Федерации А.Э. Жалинский, отв. ред. к.ю.н. С.А. Маркунцов. М., 2009. С. 138-139.

Вопрос непростой. Логично предположить, что неоднократность незаконного использования товарного знака будет в том случае, если за первый факт незаконного использования товарного знака не истекли правовые последствия его совершения.

Любой факт незаконного использования товарного знака является гражданско-правовым деликтом, нарушающим гражданские права физических и юридических лиц. Согласно ст. 196 ГК РФ общий срок исковой давности для защиты лицом нарушенного права устанавливается в три года. Таким образом, гражданско-правовые последствия незаконного использования товарного знака действуют три года. Это первый срок, в течение которого действуют правовые последствия незаконного использования товарного знака.

Но любой факт незаконного использования товарного знака является еще и административным правонарушением, ответственность за которое предусмотрена в ст. 14.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ). Согласно ст. 4.6 КоАП РФ лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию в течение одного года со дня окончания исполнения постановления о назначении административного наказания. Это второй срок, в течение которого действуют правовые последствия незаконного использования товарного знака.

А если лицо не привлекалось к административной ответственности за незаконное использование товарного знака? Тогда, в соответствии со ст. 4.5 КоАП РФ, постановление по делу об административном правонарушении не может быть вынесено по истечении одного года со дня совершения административного правонарушения о нарушении законодательства Российской Федерации о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров. Это третий срок, в течение которого действуют правовые последствия незаконного использования товарного знака.

Возникает вполне законный вопрос: какой или какие из этих трех сроков применять в уголовно-правовой сфере? Автор статьи склоняется к тому, чтобы уголовная ответственность по ч. 1 ст. 180 УК РФ наступала в случае, если между фактами незаконного использования товарного знака не прошли сроки, предусмотренные ст. 4.5, 4.6 КоАП РФ.

Сложнее дело обстоит с неоднократным использованием предупредительной маркировки в отношении товарного знака (ч. 2 ст. 180 УК РФ).

Дело в том что незаконное использование предупредительной маркировки не является гражданско-правовым деликтом, так как не нарушает прав физических и юридических лиц. Поэтому на трехлетний срок исковой давности, предусмотренный ст. 196 ГК РФ, ссылаться нельзя. Не является незаконное использование предупредительной маркировки и административным правонарушением. Значит, нельзя распространить на ч. 2 ст. 180 УК РФ и сроки, предусмотренные ст. 4.5, 4.6 КоАП РФ. Поэтому вопрос о сроках в ч. 2 ст. 180 УК РФ остается открытым.

Полагаем, что для устранения правовой неопределенности целесообразно было бы указанные сроки предусмотреть в примечании к ст. 180 УК РФ, как это сделал законодатель, например, в примечаниях к ст. 151.1 и 178 УК РФ.

При этом автор поддерживает тех исследователей, которые предлагают декриминализовать ч. 2 ст. 180 УК РФ, так как предусмотренное ею деяние не достигает

степени общественной опасности преступления¹⁵. Тем более что в отличие от незаконного использования товарного знака, однократное незаконное использование предупредительной маркировки не является не только административным правонарушением, но даже и гражданско-правовым деликтом.

Кроме того, в ч. 1 ст. 180 УК РФ от признака неоднократности следует отказаться. Судя по правоохранительной и судебной практике преступления, предусмотренные ст. 146, 147 и 180 УК РФ, совершаются одинаково. Виновный распространяет экземпляры товара, изготовленного с нарушением чужих исключительных прав. В случае с авторским правом в подавляющем большинстве случаев это диск с чужим фильмом, музыкальным альбомом или компьютерной программой. В случае с патентным правом — это телефон (телевизор, магнитофон, лекарство и т.д.), изготовленный по запатентованной технологии, или товар, внешний вид которого повторяет запатентованный промышленный образец. В случае с товарными знаками — это потребляемые (кефир, масло, консервы и т.д.) и непотребляемые (майка, утюг, телевизор и т.д.) вещи, на которые незаконно проставлен чужой товарный знак. Возникает вопрос: почему в ст. 146 УК РФ нижний порог преступности нарушения исключительных прав ограничивается крупным размером, в ст. 147 УК РФ — крупным ущербом, а в ст. 180 УК РФ — крупным ущербом и неоднократностью? С целью унификации уголовного законодательства России и удобства правоприменения автор во всех рассматриваемых статьях считал бы целесообразным предусмотреть единый криминообразующий конструирующий признак — «крупный размер».

С проблемой толкования уголовного законодательства мы сталкиваемся и в ст. 183 УК РФ. Ч. 1 указанной статьи предусматривает уголовную ответственность, в том числе, за собирание сведений, составляющих коммерческую тайну, путем похищения документов. Уголовное законодательство определения термина «похищение» не содержит. Поэтому большинство ученых толкование термина «похищение» в ч. 1 ст. 183 УК РФ осуществляют на основе определения термина «хищение», данного законодателем в примечании к ст. 158 УК РФ¹⁶. Т.В. Пинкевич отмечает, что похищение документов может осуществляться путем кражи, мошенничества, присвоения, растраты, грабежа и разбоя¹⁷. В свою очередь, Б.В. Волженкин и А.Ф. Жигалов считают, что похищение документов возможно путем кражи, грабежа, разбоя и мошенничества, но исключают похищение документов путем присвоения и растраты¹⁸.

Полагаем, что следует согласиться с Б.В. Волженкиным и А.Ф. Жигаловым. Как справедливо отмечает А.Н. Рогожкин, лица, которым коммерческая тайна была доверена (вверена), могут нести уголовную ответственность только по ч. 2-4

¹⁵ См., напр.: Долотов Р.О. Указ. соч. С. 12.

¹⁶ См.: Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности. Саратов, 1997. С. 92; Пинкевич Т.В. Преступления в сфере экономической деятельности: уголовно-правовая характеристика, система, особенности квалификации. Ставрополь, 2000. С. 117; Жигалов А.Ф. Коммерческая и банковская тайна в российском уголовном законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. С. 174.

¹⁷ См.: Пинкевич Т.В. Указ. соч. С. 117.

¹⁸ См.: Волженкин Б.В. Экономические преступления. СПб, 1999. С. 158; Жигалов А.Ф. Указ. соч. С. 174.

ст. 183 УК РФ за разглашение и незаконное использование коммерческой тайны. При этом уголовная ответственность по ч. 1 ст. 183 УК РФ для них исключается¹⁹.

В связи с толкованием термина «похищение документов» хотелось бы указать на следующее. По смыслу п. 3 ст. 3 Федерального закона «О коммерческой тайне»²⁰ от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ (далее — закон «О коммерческой тайне») информация, составляющая коммерческую тайну, охраняется по закону только после введения в отношении нее режима коммерческой тайны. Согласно ч. 2 ст. 10 закона «О коммерческой тайне» режим коммерческой тайны считается установленным после принятия обладателем информации, составляющей коммерческую тайну, мер по охране конфиденциальности информации, указанных в ч. 1 ст. 10 закона «О коммерческой тайне». Эти меры должны включать в себя:

- 1) определение перечня информации, составляющей коммерческую тайну;
- 2) ограничение доступа к информации, составляющей коммерческую тайну, путем установления порядка обращения с этой информацией и контроля за соблюдением такого порядка;
- 3) учет лиц, получивших доступ к информации, составляющей коммерческую тайну, и (или) лиц, которым такая информация была предоставлена или передана;
- 4) регулирование отношений по использованию информации, составляющей коммерческую тайну, работниками на основании трудовых договоров и контрагентами на основании гражданско-правовых договоров;
- 5) нанесение на материальные носители (документы), содержащие информацию, составляющую коммерческую тайну, грифа «Коммерческая тайна» с указанием обладателя этой информации (для юридических лиц — полное наименование и место нахождения, для индивидуальных предпринимателей — фамилия, имя, отчество гражданина, являющегося индивидуальным предпринимателем, и место жительства).

При этом согласно ч. 5 ст. 10 закона «О коммерческой тайне» меры по охране конфиденциальности информации признаются разумно достаточными, если:

- 1) исключается доступ к информации, составляющей коммерческую тайну, любых лиц без согласия ее обладателя;
- 2) обеспечивается возможность использования информации, составляющей коммерческую тайну, работниками и передачи ее контрагентам без нарушения режима коммерческой тайны.

Полагаем, что в случае похищения документов целесообразно проверять, были ли приняты меры по охране конфиденциальности информации разумно достаточными. Например, если лицо тайно или открыто похитило документы, находящиеся в неохраемом или недостаточно охраняемом помещении, то оно не должно привлекаться к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 183 УК РФ, так как обладателем коммерческой тайны не приняты разумно достаточные меры по охране конфиденциальности информации, следовательно, такая коммерческая тайна не охраняется по закону.

В завершение статьи отметим, что важная роль в преодолении проблемы толкования уголовного законодательства об ответственности за преступления против

¹⁹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 644.

²⁰ СЗ РФ. 2004. № 32. Ст. 3283.

интеллектуальной собственности принадлежит Верховному Суду Российской Федерации. Так, например, до принятия Пленумом Верховного Суда Российской Федерации Постановления № 14 на практике возникали проблемы, на основе каких цен исчислять стоимость контрафактных экземпляров в ч. 2, 3 ст. 146 УК РФ: цен, по которым реализуется контрафактная продукция; цен, установленных правообладателем; оптовых цен; розничных цен? В абз. 3 п. 25 Постановления № 14 Пленум Верховного Суда Российской Федерации разрешил эту проблему, указав, что «устанавливая признаки крупного или особо крупного размера деяний, предусмотренных частями 2 и 3 статьи 146 УК РФ, следует исходить из розничной стоимости оригинальных (лицензионных) экземпляров произведений или фонограмм на момент совершения преступления, исходя при этом из их количества, включая копии произведений или фонограмм, принадлежащих различным правообладателям».

Буквальное толкование диспозиции ч. 1 ст. 146 УК РФ не позволяет однозначно ответить на вопрос, можно ли привлекать к уголовной ответственности за присвоение авторства на часть произведения. В п. 3 Постановления № 14 Верховный Суд Российской Федерации указал, что уголовная ответственность может наступать в случае присвоении авторства не только на произведение в полном объеме, но и на его часть, и тем самым поставил в этом вопросе точку. Правда, в науке этот вопрос не закрыт. Например, К.В. Кузнецов и П.А. Филиппов предлагают в тексте УК РФ прямо предусмотреть уголовную ответственность за присвоение авторства на произведение науки, литературы, искусства или на его часть, имеющую самостоятельное значение²¹.

Указать в законе на часть произведения можно (правда, как мы уже сказали, Верховный Суд Российской Федерации эту проблему решил в Постановлении № 14). Но мы полагаем, что указание в тексте закона на «имеющую самостоятельное значение часть произведения» излишне, так как, решив одну проблему, К.В. Кузнецов и П.А. Филиппов стимулируют другую — проблему доказывания самостоятельности значения части произведения. Взять, например, песню. Понятно, что стихи и музыка являются ее частями, которые имеют самостоятельное значение. Но если взять только музыку к песне, будет ли мотив вступления к песне, мотив куплета или припева иметь самостоятельное значение? И можно ли в качестве имеющей самостоятельное значение части музыки к песне рассматривать музыкальный ход или прием, который, являясь залогом успеха всей песни, составляет только часть, например, припева? Или возьмем книгу, состоящую из разделов, глав и параграфов. О какой структурной единице можно говорить как имеющей самостоятельное значение?

Кроме того, если предусмотреть в ч. 1 ст. 146 УК РФ уголовную ответственность за присвоение авторства на часть произведения только в том случае, если такая часть имеет самостоятельное значение, то это поставит под сомнение возможность привлечения к уголовной ответственности лица, которое, например, присвоило авторство на 200 страниц монографии из 300, но при этом авторство ни на 1 из 8 (10, 11 и т.д. — в данном контексте не принципиально) параграфов монографии целиком не присвоено.

²¹ См.: Кузнецов К.В. Указ. соч. С. 11; Филиппов П.А. Указ. соч. С. 201.